

УДК 165:004.8:330.342

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

доктор философских наук, профессор,
заведующий сектором Института философии
имени академика А. А. Алтмышбаева

Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

доктор философских наук, профессор,
заведующий сектором Института философии
имени академика А. А. Алтмышбаева

Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики

Askarbek A. Bekboev

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor

Head of Sector, Institute of Philosophy

named after Academician A. A. Altmyshbaev,

National Academy of Sciences under the President of the Kyrgyz Republic

НЕОМАРКСИСТСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ФИЛОСОФСКАЯ ГИПОТЕЗА

БЕЙТАБИЙ (ЖАСАЛМА) ИНТЕЛЛЕКТТИН НЕОМАРКСИСТТИК ЧЕЧМЕЛЕНИИШИ: ФИЛОСОФИЯЛЫК ГИПОТЕЗА

A NEO-MARXIST INTERPRETATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A PHILOSOPHICAL HYPOTHESIS

Аннотация. В статье предпринимается философский анализ искусственного интеллекта в контексте неомарксистской интерпретации теории труда, отчуждения и родовой сущности человека. Исследуется трансформация труда в условиях цифрового капитализма и алгоритмической рациональности. Автор рассматривает искусственный интеллект как двойственный феномен: с одной стороны, как средство расширения человеческой универсальности и когнитивных возможностей, с другой — как механизм цифрового отчуждения, алгоритмического контроля и концентрации власти. Особое внимание уделяется феноменам псевдотворчества, посттруда и цифровой эксплуатации. Делается вывод о том, что будущее труда и человеческой свободы определяется не технической природой ИИ, а социально-политическими формами его внедрения и институционального регулирования.

Ключевые слова: неомарксизм, искусственный интеллект, труд, отчуждение, родовая сущность, цифровой капитализм, алгоритмический контроль, псевдотворчество, посттруд, цифровое отчуждение, субъективность, философия технологий.

Аннотация. Макалада жасалма интеллект неомарксисттик эмгек теориясынын, бөтөндөлүү жана адамдын урук-маңызы түшүнүктөрүнүн негизинде философиялык талдоого алынат. Санариптик капитализм жана алгоритмдик рационалдуулук шартындагы эмгектин трансформациясы каралат. Автор жасалма интеллектти кош мүнөздүү феномен катары түшүндүрөт: бир жагынан — адам универсалдуулугун жана когнитивдик мүмкүнчүлүктөрүн кеңейтүүчү каражат, экинчи жагынан — санариптик бөтөндөлүүнүн, алгоритмдик көзөмөлдүн жана бийликтин концентрациясынын механизми катары. Псевдочыгармачылык, постэмгек жана санариптик эксплуатация феномендерине өзгөчө көңүл бурулат. Эмгектин жана

адам эркиндигинин келечеги ИИнин техникалык табиятынан эмес, анын коомдук-саясий жөнгө салынышынан көз каранды деген жыйынтык чыгарылат.

Негизги терминдер: неомарксизм, жасалма интеллект, эмгек, бөтөндөлүү, урук-маңыз, санариптик капитализм, алгоритмдик көзөмөл, псевдочыгармачылык, постэмгек, санариптик бөтөндөлүү, субъективдүүлүк, технология философиясы.

Abstract. The article offers a philosophical analysis of artificial intelligence within a neo-Marxist framework of labor theory, alienation, and the concept of species-being. It examines the transformation of labor under conditions of digital capitalism and algorithmic rationality. Artificial intelligence is interpreted as a dual phenomenon: on the one hand, as a means of expanding human universality and cognitive capacities; on the other, as a mechanism of digital alienation, algorithmic control, and concentration of power. Special attention is given to the phenomena of pseudo-creativity, post-labor, and digital exploitation. The study concludes that the future of labor and human freedom depends not on the technical nature of AI itself, but on the socio-political forms of its institutional implementation and regulation.

Keywords: neo-Marxism, artificial intelligence, labor, alienation, species-being, digital capitalism, algorithmic control, pseudo-creativity, post-labor, digital alienation, subjectivity, philosophy of technology.

Постановка проблемы: опыт критического анализа искусственного интеллекта сквозь призму марксистской теории труда

Современное развитие искусственного интеллекта радикально обостряет вопрос о природе труда и его исторической трансформации. Если индустриальный капитализм был основан на механизации физического усилия, то цифровой капитализм осуществляет алгоритмизацию когнитивных процессов. В результате возникает принципиальная проблема: сохраняется ли за человеком статус носителя родовой сущности — свободного, универсального субъекта труда, — или же алгоритмические системы начинают выполнять функции, ранее принадлежащие человеческому мышлению?

Проблема не сводится к техническому соперничеству человека и машины. Речь идёт о трансформации самой структуры общественных отношений, в которых труд является фундаментальной категорией. Искусственный интеллект внедряется в производственные, управленческие и культурные процессы, становясь посредником между субъектом и результатом его деятельности. Это посредничество не нейтрально: оно способно изменять распределение власти, перераспределять ответственность и формировать новые формы отчуждения.

В этой связи возникает ряд ключевых вопросов:

– является ли ИИ новым этапом разви-

тия производительных сил, потенциально открывающим пространство для сокращения вынужденного труда;

– или же он представляет собой инструмент углубления эксплуатации и алгоритмического контроля;

– трансформируется ли универсальность человека в эпоху цифровой автоматизации;

– может ли творчество быть заменено алгоритмической генерацией без утраты своей сущности?

Неомарксистская перспектива позволяет рассматривать эти вопросы не как технологическую дискуссию, а как историко-философскую проблему. Искусственный интеллект выступает в данном анализе не автономной силой, а формой опредмечивания общественных отношений, встроенной в логику цифрового капитала. Следовательно, исследование ИИ требует обращения к категориям труда, отчуждения, родовой сущности и собственности.

Таким образом, настоящая работа исходит из гипотезы, что искусственный интеллект является двойственным феноменом: он одновременно выражает высшую степень развития человеческих производительных сил и концентрирует в себе новые формы социального подчинения. Его анализ возможен лишь в рамках критической теории, способной соединить онтологическое понимание труда с политико-экономическим исследованием цифрового капитализма.

Введение (расширенная версия)

Искусственный интеллект и цифровая автоматизация в начале XXI века перестали быть исключительно техническими инновациями и превратились в структурный фактор социальной трансформации. Речь идёт не просто о внедрении новых инструментов в сферу производства, управления или коммуникации, но о формировании новой технологической среды, в которой меняются способы организации труда, распределения власти, производства знания и конструирования субъективности. Алгоритмические системы, способные к обучению, прогнозированию и генерации текстов, изображений, решений и кода, всё более активно включаются в производственные и когнитивные процессы, выступая посредниками между человеком и миром.

В этом контексте перед философией встаёт принципиальный вопрос: трансформируется ли сама онтологическая структура труда и человеческой универсальности, или же мы имеем дело лишь с очередной фазой технической модернизации капиталистического способа производства? Иначе говоря, является ли искусственный интеллект новым качественным этапом в истории отчуждения, либо он открывает реальные возможности преодоления ограничений индустриальной эпохи?

С одной стороны, ИИ объективно расширяет горизонты человеческой деятельности. Автоматизация рутинных операций, аналитическая обработка массивов данных, ускорение вычислительных и логистических процессов создают предпосылки для высвобождения времени и интеллектуальных ресурсов. В перспективе это может означать смещение акцента от принудительного труда к творческой, исследовательской и проектной деятельности, то есть к формам активности, более соответствующим идее человеческой универсальности.

С другой стороны, цифровая трансформация сопровождается усилением алгоритмического контроля, концентрацией технологической инфраструктуры в руках крупных корпораций и перераспределением власти в пользу владельцев данных и вычислительных мощностей. Производственные и социальные процессы всё чаще структури-

руются алгоритмами, которые определяют ритм труда, критерии эффективности, формы коммуникации и даже поведенческие стандарты. В результате человек оказывается включённым в систему цифрового надзора и оптимизации, где его действия подвергаются постоянному мониторингу, оценке и коррекции.

Неомарксистская перспектива позволяет рассматривать эти процессы не как нейтральное следствие научно-технического прогресса, а как исторически конкретную форму развития производительных сил в рамках цифрового капитализма. Искусственный интеллект здесь выступает не автономной силой, а орудием, встроенным в определённые отношения собственности и власти. Следовательно, анализ ИИ требует обращения к категории труда как центральному понятию социальной философии, а также к концепции отчуждения как ключу к пониманию противоречий современной эпохи.

Марксово понимание труда как формы реализации родовой сущности человека придаёт особую остроту обсуждению. Если труд является способом самореализации и утверждения человеческой универсальности, то его алгоритмизация и автоматизация неизбежно затрагивают саму структуру человеческой субъектности. Вопрос заключается не только в том, какие профессии исчезнут или трансформируются, но и в том, сохраняется ли за человеком статус активного субъекта преобразования мира или он постепенно смещается в позицию оператора и наблюдателя автоматизированных процессов.

Цель настоящей статьи состоит в критическом анализе феномена искусственного интеллекта сквозь призму марксовской теории труда и отчуждения. Задача заключается в выявлении двойственного характера ИИ как средства потенциального расширения человеческой универсальности и одновременно как механизма углубления алгоритмического подчинения. В рамках данной философской гипотезы искусственный интеллект рассматривается не только как технологический инструмент, но как социальный институт, формирующий новые структуры власти, новые формы труда и новые модусы субъективности.

Таким образом, проблематика ИИ выводится за пределы технического и экономического дискурса и помещается в пространство фундаментального вопроса о будущем труда, свободы и человеческой сущности в условиях цифрового капитализма.

Труд, родовая сущность и отчуждение: теоретический фундамент

В ранних философских работах Карла Маркса труд предстает не просто как экономическая категория или элемент производственного процесса, но как фундаментальная онтологическая характеристика человеческого бытия. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» труд осмысливается как способ существования человека в мире, как форма раскрытия его родовой сущности (*Gattungswesen*) — способности сознательно, универсально и целенаправленно преобразовывать природу и самого себя [см.: 6, с. 88–92]. Человек, в отличие от животного, действует не только под воздействием непосредственной потребности, но и в соответствии с замыслом, проектом, образом результата, который предварительно существует в его сознании. Именно эта проектная структура деятельности делает труд актом свободы.

Родовая сущность у Маркса не сводится к абстрактной «природе человека». Она выражает универсальность человеческого способа бытия — способность выходить за пределы частной, единичной ситуации и действовать в горизонте общего. Труд является формой, в которой эта универсальность опредмечивается. В процессе труда человек не просто создает вещи; он создает мир культуры, техники, социальных отношений, символических форм. Производя предметы, человек одновременно производит самого себя как субъекта — развивает способности, формирует самосознание, вступает в историческое взаимодействие с другими людьми.

Именно поэтому труд у Маркса имеет двойной характер: он есть и материальный процесс преобразования природы, и духовный процесс самоутверждения. Через труд человек обретает историчность, поскольку его деятельность включена в непрерывную цепь общественного развития. В этом смысле труд — это способ человеческого присутствия в мире, форма соединения индивиду-

ального усилия с коллективным бытием.

Однако капиталистическая форма производства радикально искажает эту онтологическую структуру труда. Частная собственность на средства производства и отделение работника от продукта его деятельности превращают труд из свободного акта самореализации в вынужденную, внешнюю по отношению к человеку деятельность. Работник не принадлежит своему труду; труд не является выражением его сущности, а становится средством выживания. Продукт труда отчуждается, присваивается капиталом, а сам процесс производства подчиняется логике прибыли и накопления [см.: 5, с. 172–178].

Маркс выделяет несколько уровней отчуждения: отчуждение от продукта труда, от самого процесса труда, от родовой сущности и от других людей. Эти формы взаимосвязаны. Когда труд перестает быть свободной деятельностью, человек утрачивает возможность реализовать свою универсальность. Его активность становится фрагментарной, механической, лишённой внутреннего смысла. Вместо опредмечивания собственных сил он переживает их утрату. Вместо расширения своей сущности — её сужение.

Отчуждение в капиталистическом обществе приобретает структурный характер. Оно перестает быть случайным и становится системным механизмом воспроизводства социального порядка. Труд сохраняет в себе потенциал свободы, но реализуется как средство подчинения. Работник формально участвует в производстве общественного богатства, однако фактически лишён контроля над его распределением и использованием. В результате возникает фундаментальное противоречие: человек создает мир, который начинает господствовать над ним.

Особое значение имеет то, что отчуждение у Маркса не является исключительно психологическим состоянием. Это объективная социальная структура, вытекающая из отношений собственности и способа организации производства. Следовательно, преодоление отчуждения невозможно без трансформации этих отношений. Освобождение труда предполагает изменение самой логики общественного устройства.

В этом контексте важно подчеркнуть двойственную природу труда. С одной сто-

роны, он остается источником человеческой свободы, поскольку именно через труд человек способен преобразовывать мир и утверждать свою универсальность. С другой стороны, в условиях капитализма труд становится механизмом эксплуатации и воспроизводства зависимости. Эта двойственность образует центральное напряжение марксовой философии и задает методологический ключ для анализа последующих исторических форм производства.

В эпоху цифрового производства и искусственного интеллекта данное противоречие не исчезает, а трансформируется. Если в индустриальную эпоху отчуждение было связано преимущественно с механизацией труда и фабричной дисциплиной, то в цифровую эпоху оно приобретает форму алгоритмического посредничества. Человек всё чаще взаимодействует не непосредственно с продуктом и процессом труда, а через программные системы, цифровые интерфейсы и алгоритмы принятия решений. Контроль над производством перемещается на уровень кода и инфраструктуры данных.

Это означает, что отчуждение может принять новую форму — форму цифрового отчуждения, при котором субъект утрачивает не только контроль над продуктом, но и понимание логики самого процесса. Решения принимаются автоматизированными системами, параметры эффективности задаются алгоритмами, а оценка труда осуществляется через цифровые метрики. Человек оказывается включённым в систему, чьи правила он не формирует и не контролирует.

Таким образом, возвращение к марксовому пониманию труда как онтологического основания человеческой универсальности приобретает принципиальное значение для анализа современной цифровой эпохи. Если труд остаётся фундаментом человеческой сущности, то алгоритмизация труда затрагивает саму структуру субъективности. Вопрос о будущем искусственного интеллекта оказывается не только экономическим или техническим, но глубоко философским: сохраняется ли за человеком статус активного субъекта преобразования мира, или он постепенно смещается в позицию оператора и наблюдателя автоматизированных процессов?

Именно в этом напряжении — между потенциалом освобождения и риском углубления отчуждения — раскрывается теоретический фундамент дальнейшего анализа искусственного интеллекта как нового исторического этапа развития производительных сил и новых форм подчинения.

Искусственный интеллект как новое орудие труда

В классической марксовской теории орудие труда выступает посредником между человеком и природой. Именно через орудие фиксируется уровень развития производительных сил и степень исторической конкретности способа производства. Орудие труда не является нейтральным предметом — оно выражает определённую форму организации человеческой деятельности и закрепляет структуру социальных отношений [см.: 6, с. 100–105]. Машина, по Марксу, изменяет не только производительность, но и саму форму подчинения труда капиталу.

В эпоху искусственного интеллекта характер этого посредничества радикально усложняется. ИИ — это уже не механическое продолжение руки, а алгоритмическое продолжение когнитивных функций. Он способен обучаться, прогнозировать, ранжировать альтернативы и частично автономно принимать решения. Тем самым орудие труда перестаёт быть пассивным и начинает участвовать в процессе управления.

Если индустриальная машина усиливала физические способности человека, то ИИ экстерниоризирует интеллектуальные операции: анализ, сравнение, синтез, моделирование. Возникает новая форма опредмечивания человеческого мышления. Однако именно здесь и возникает ключевое противоречие: алгоритм начинает занимать место, ранее принадлежащее субъекту.

Человек взаимодействует уже не с инструментом, а с системой, которая формирует рамки его выбора. Работник всё чаще становится оператором или координатором автоматизированных процессов. Центр активности смещается: вместо непосредственного созидания — управление интерфейсами; вместо физического усилия — контроль цифровых потоков. Это меняет структуру труда и трансформирует социальную субъектность.

Как отмечалось в моей работе «Адам и Искусственный интеллект», алгоритмическая рациональность постепенно приобретает нормативный характер, формируя структуру допустимого и рационального действия [см.: 2, с. 112–118]. ИИ перестаёт быть лишь средством — он становится частью когнитивной среды, внутри которой осуществляется выбор. Это означает, что орудие труда начинает воздействовать на саму структуру мышления.

В производственном процессе это проявляется в переходе к метрикам, рейтингам, алгоритмической оценке эффективности. Производительность измеряется цифровыми показателями, а решения оптимизируются через предиктивные модели. Таким образом, ИИ становится одновременно средством повышения эффективности и инструментом контроля. Если в фабричной системе контроль осуществлялся через дисциплину и надзор, то в цифровой системе он реализуется через код и алгоритм.

Особенность ИИ как орудия труда состоит в том, что он способен опосредовать не только физическое действие, но и когнитивный процесс. Это качественное отличие от индустриальной техники. Алгоритмическая система может рекомендовать, корректировать, ограничивать и направлять решения. В результате возникает новая форма зависимости — зависимость от инфраструктуры данных.

Одновременно нельзя игнорировать эмансипаторный потенциал ИИ. Автоматизация рутинных операций действительно создаёт возможность перераспределения времени и интеллектуальных ресурсов. Возникает перспектива перехода к более творческим формам деятельности, где человек сосредоточен на стратегическом мышлении, проектировании, исследовании. В этом смысле ИИ может выступать как средство расширения человеческой универсальности.

Однако эта перспектива реализуема только при определённых социальных условиях. Если контроль над алгоритмической инфраструктурой принадлежит ограниченному числу корпораций, то рост производительности ведёт не к расширению свободы, а к усилению концентрации капитала. ИИ становится инструментом извлечения допол-

нительной стоимости, ускоряя оборот капитала и усиливая асимметрию власти.

Более того, алгоритмическое посредничество способно стандартизировать процессы мышления. Когда решения принимаются на основе рекомендательных моделей, субъект постепенно утрачивает навык самостоятельной критической оценки. Орудие труда начинает формировать не только материальную, но и когнитивную дисциплину.

Таким образом, искусственный интеллект как новое орудие труда обладает принципиально двойственной природой. Он может выступать продолжением человеческого интеллекта и средством его усиления. Но он же способен стать механизмом алгоритмического подчинения, если встроен в логику цифрового капитала. В отличие от индустриальной машины, ИИ вмешивается в сферу мышления и принятия решений, что придаёт проблеме отчуждения новый уровень глубины.

Следовательно, анализ ИИ требует не только экономической, но и онтологической перспективы. Вопрос заключается не в замене человека машиной, а в трансформации самой формы человеческого присутствия в производственном процессе. Если труд остаётся основанием родовой сущности, то изменение его орудий неизбежно влияет на структуру этой сущности. Искусственный интеллект тем самым становится историческим рубежом, на котором решается вопрос о сохранении или деформации человеческой универсальности.

Универсальность и её подмена: псевдотворчество и посттруд

Современные системы искусственного интеллекта демонстрируют способность генерировать тексты, музыку, изображения, программный код и иные культурные формы, которые внешне неотличимы от результатов человеческой деятельности. Алгоритмы способны стилизовать, комбинировать, синтезировать и варьировать огромные массивы данных, создавая продукты, воспринимаемые как креативные. Возникает принципиальный философский вопрос: является ли эта продуктивность формой творчества или лишь его имитацией?

С марксистской точки зрения творчество не сводится к производству нового объек-

та. Оно связано с сознательной интенцией, проектной направленностью и внутренним переживанием смысла. Творчество есть выражение родовой сущности человека — его способности свободно и универсально преобразовывать мир, исходя из осознанной цели и ценностной ориентации. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс подчёркивает, что человек производит «по законам красоты», выходя за пределы непосредственной потребности и утверждая себя как родовое существо [см.: 4, с. 210–218]. Это означает, что подлинное творчество предполагает внутреннюю рефлексию и переживание собственной деятельности как свободной.

Алгоритмическая генерация лишена этой структуры субъективности. Она не обладает намерением, не переживает процесс и не соотносит результат с внутренним опытом. Искусственный интеллект оперирует вероятностными моделями и статистическими корреляциями, воспроизводя закономерности, выявленные в обучающих данных. Его «креативность» есть результат комбинирования и оптимизации, а не свободного самопроектирования. Следовательно, перед нами возникает феномен псевдотворчества — производство культурных форм без субъективного основания.

Псевдотворчество представляет собой не просто технический эффект, но антропологическую проблему. Когда алгоритмически сгенерированные тексты или изображения воспринимаются как творческий акт, происходит подмена универсальности. Формальная продуктивность начинает восприниматься как проявление свободы, тогда как свобода в марксовом понимании связана с сознательной активностью субъекта. Таким образом, создаётся иллюзия универсальности — видимость расширения человеческих возможностей, за которой может скрываться их редукция.

Особую остроту проблема приобретает в сфере интеллектуального труда. Если машина способна генерировать код, аналитические отчёты или художественные тексты, роль человека постепенно смещается от создателя к оператору алгоритмической системы. Он инициирует процесс, задаёт параметры, отбирает результаты, но не

осуществляет сам акт производства в традиционном смысле. Это приводит к утрате непосредственной связи между субъектом и продуктом труда. Человек становится посредником между алгоритмом и рынком, а не носителем творческого акта.

В этом контексте универсальность человека рискует трансформироваться в универсальность системы. Алгоритм способен работать с множеством стилей, языков, форматов, но эта множественность не является выражением внутреннего богатства субъекта. Она есть функция объёма данных. Если же человеческая деятельность постепенно редуцируется к управлению и корректировке алгоритмов, то возникает новая форма отчуждения — отчуждение от самого процесса творческого самоутверждения.

Следующим шагом в этом процессе становится концепция посттруда. В ряде современных теорий утверждается, что автоматизация и ИИ приведут к освобождению человека от необходимости трудиться. Труд якобы утратит свою экономическую функцию, а общество перейдёт к модели, где основное время будет посвящено саморазвитию, творчеству и досугу. На первый взгляд, это напоминает марксовский идеал преодоления отчуждения и превращения труда из вынужденной деятельности в свободную самореализацию.

Однако в условиях капиталистической экономики автоматизация не обязательно ведёт к освобождению. Напротив, она может усиливать социальное расслоение и концентрацию собственности. Если средства алгоритмического производства принадлежат ограниченному числу акторов, то рост производительности не означает перераспределение свободы. Освобождение от труда в таком случае превращается в освобождение от занятости без освобождения от зависимости. Возникает парадокс: формально труд уменьшается, но социальная зависимость усиливается.

Посттруд без изменения отношений собственности становится новой формой отчуждения. Часть общества может быть исключена из производственного процесса, утратив экономическую субъектность, тогда как контроль над алгоритмической инфраструктурой концентрируется в руках вла-

дельцев капитала. Таким образом, посттруд может превратиться в механизм социальной сегрегации, а не эмансипации.

Более того, если творчество всё чаще осуществляется алгоритмами, возникает риск обесценивания человеческой креативности. Когда продукт может быть мгновенно сгенерирован системой, уникальность индивидуального усилия теряет экономическую значимость. Это может привести к кризису идентичности: человек больше не воспринимает себя как необходимого участника процесса производства культурных форм. Универсальность, ранее связанная с творческой способностью, замещается универсальностью доступа к алгоритму.

Следовательно, проблема псевдотворчества и посттруда носит не только экономический, но и онтологический характер. Речь идёт о трансформации самой структуры человеческой деятельности. Если труд является способом утверждения родовой сущности, то его алгоритмизация и возможная маргинализация ставят под вопрос форму человеческого присутствия в мире. Универсальность человека может быть сохранена только в том случае, если он остаётся субъектом проектирования и смысла, а не оператором готовых алгоритмических решений.

Таким образом, искусственный интеллект создаёт ситуацию амбивалентности. Он способен расширять возможности творчества, но одновременно может подменять его имитацией. Он открывает перспективу сокращения вынужденного труда, но в рамках капиталистических отношений может усиливать зависимость и расслоение. Вопрос о посттруде становится вопросом о структуре собственности и распределении власти. Без трансформации этих структур автоматизация рискует закрепить новую форму отчуждения — более тонкую, менее заметную, но глубоко проникающую в саму сферу субъективности.

Цифровое отчуждение и алгоритмический контроль

Если индустриальное отчуждение в классическом марксовском анализе было связано прежде всего с утратой контроля над продуктом труда и подчинением работника машинной системе фабрики, то цифровая эпоха выводит отчуждение на иной

уровень. Теперь речь идёт не только о материальном результате деятельности, но и о самой структуре принятия решений, организации знания и распределения власти. Цифровое отчуждение распространяется на сферу управления, когнитивного выбора и повседневной коммуникации.

Алгоритмы сегодня определяют маршруты передвижения, приоритеты информационной повестки, рейтинги профессиональной эффективности, кредитные оценки, доступ к ресурсам и даже вероятности трудоустройства. Они формируют систему рекомендаций, которая структурирует поле возможного действия. Человек всё чаще оказывается включённым в предзаданные алгоритмические рамки, внутри которых осуществляется его активность. В результате субъект становится объектом прогнозирования, классификации и коррекции.

Принципиальное отличие цифрового отчуждения от индустриального заключается в том, что оно затрагивает саму когнитивную сферу. Если ранее работник был отчуждён от продукта своего труда, то теперь он рискует быть отчуждённым от собственной способности принимать решения. Алгоритмическая система способна не только анализировать данные, но и задавать стандарты рациональности. Она определяет, какие решения считаются оптимальными, какие действия — эффективными, какие предпочтения — релевантными.

Алгоритмический контроль усиливает непрозрачность власти. В индустриальном обществе подчинение имело зримые формы: фабричная дисциплина, надзор, иерархия. В цифровой среде власть становится рассеянной и скрытой в коде. Решения принимаются машинными системами, логика которых часто недоступна пониманию пользователя или работника. Человек сталкивается не с конкретным управляющим, а с интерфейсом. Это снижает уровень автономии и ответственности, формируя новую форму подчинения — подчинение алгоритмической инфраструктуре.

Особую роль в этом процессе играют цифровые платформы. Они превращают каждое действие пользователя — клик, просмотр, перемещение, коммуникацию — в источник данных. Эти данные агрегируют-

ся, анализируются и монетизируются. Активность субъекта становится сырьём для алгоритмической экономики. Тем самым отчуждение выходит за пределы производственной сферы и охватывает повседневную жизнь. Субъект превращается в данные, а данные — в капитал.

В своей монографии «Адам и Искусственный интеллект» я указывал, что алгоритмическая рациональность постепенно формирует новую форму нормативности, в которой поведение человека соотносится не с внутренним осмыслением, а с цифровыми метриками и показателями эффективности [см.: 2, с. 134–140]. Эта метрика становится универсальным критерием оценки. Человеческое действие начинает измеряться показателями вовлечённости, продуктивности, рейтинга. Таким образом, алгоритмическая система не просто сопровождает деятельность, но конституирует её параметры.

Цифровое отчуждение проявляется также в феномене предиктивного управления. Алгоритмы способны прогнозировать поведение, выявлять паттерны и корректировать отклонения. Субъект всё чаще воспринимается как совокупность поведенческих данных, поддающихся моделированию. Это ведёт к редукции личности до профиля, набора характеристик и вероятностных показателей. Человеческая универсальность, понимаемая как способность выходить за пределы заданных рамок, оказывается ограниченной статистическими корреляциями.

Особенно опасным становится то, что алгоритмический контроль носит деперсонифицированный характер. Он не имеет явного субъекта власти. В результате сопротивление становится затруднительным: невозможно оспорить решение, логика которого скрыта в коде. Возникает ощущение объективности и нейтральности алгоритма, хотя за ним стоят конкретные интересы и структуры собственности. Власть становится не только скрытой, но и легитимированной через апелляцию к эффективности и оптимальности.

Кроме того, цифровое отчуждение меняет структуру ответственности. Когда решения принимаются автоматизированными системами, возникает расщепление между действием и субъектом. Кто несёт ответ-

ственность за ошибку алгоритма? Разработчик, владелец платформы, оператор? Эта неопределённость снижает прозрачность социального взаимодействия и размывает понятие личной ответственности. Субъект оказывается включённым в систему, где решения формально принимаются «объективно», но фактически определяются архитектурой алгоритма.

Новая форма отчуждения затрагивает и сферу самосознания. Постоянное взаимодействие с цифровыми платформами формирует зависимость от алгоритмического признания: лайков, рейтингов, индексов. Самооценка начинает соотноситься с цифровыми показателями. Человек стремится соответствовать алгоритмическим ожиданиям, что приводит к внутренней адаптации к логике платформы. Таким образом, отчуждение проникает в саму структуру идентичности.

Важно подчеркнуть, что цифровое отчуждение не является неизбежным следствием технического прогресса. Оно обусловлено конкретной экономической моделью, в которой данные становятся источником прибавочной стоимости. Алгоритмическая инфраструктура служит не только для оптимизации процессов, но и для извлечения прибыли через управление вниманием и поведением. Контроль над потоками данных превращается в форму господства.

В результате складывается новая конфигурация власти — алгоритмическая власть. Она действует через рекомендации, фильтрацию, приоритизацию. Она формирует поле видимого и доступного. Субъект не ощущает прямого принуждения, но его действия структурируются невидимыми рамками. Отчуждение становится мягким, но тотальным.

Таким образом, цифровое отчуждение представляет собой качественно новую стадию исторического развития отчуждения. Если индустриальная система отчуждала человека от продукта труда, то цифровая система способна отчуждать его от процесса принятия решений и от самого пространства возможного. Алгоритмический контроль превращает субъекта в объект анализа, предсказания и коррекции.

Именно здесь раскрывается глубинный философский вопрос: сохраняется ли за че-

ловеком статус активного субъекта истории или он постепенно становится элементом управляемой цифровой системы? Ответ на этот вопрос зависит не от самой технологии, а от структуры социальных отношений, внутри которых она функционирует. Без переосмысления этих отношений алгоритмическая рациональность рискует закрепить новую форму отчуждения — более тонкую, менее заметную, но глубже проникающую в саму ткань человеческой субъективности.

Демократическое переосмысление труда и технологий

Искусственный интеллект не является фатальной или самодостаточной силой, определяющей судьбу общества независимо от человеческой воли. Его социальные последствия не предзаданы технической природой алгоритмов, а зависят от институциональной структуры, формы собственности, распределения власти и характера политических решений. Технология сама по себе не несёт ни освобождения, ни порабощения — она становится инструментом той социальной логики, в которую включена.

Поэтому вопрос о будущем труда в эпоху ИИ есть прежде всего вопрос о демократическом устройстве технологического развития. Демократизация технологий предполагает прозрачность алгоритмических систем, подотчётность разработчиков и владельцев цифровой инфраструктуры, а также участие работников и граждан в определении целей и форм внедрения искусственного интеллекта. Если решения о внедрении ИИ принимаются исключительно в интересах капитала, то технология неизбежно усиливает существующие асимметрии власти. Если же она становится предметом общественного контроля, то открывается возможность её использования в интересах коллективного развития.

Прозрачность алгоритмов — важнейшее условие сохранения автономии субъекта. Когда решения, влияющие на жизнь человека, принимаются на основе непрозрачных моделей, возникает структурное неравенство знания. Демократическое переосмысление предполагает, что алгоритмическая логика не должна быть закрытой сферой технических элит. Общество должно иметь возможность понимать, оспаривать и кор-

ректировать алгоритмические механизмы, определяющие распределение ресурсов, рейтинги, доступ к информации и социальным благам.

Не менее важным является вопрос собственности на цифровые ресурсы. В современном мире данные становятся ключевым производственным ресурсом. Они формируются коллективной деятельностью миллионов пользователей, но концентрируются в руках ограниченного числа корпораций. Демократическая перспектива предполагает развитие кооперативных и общественных форм владения цифровой инфраструктурой, при которых выгоды от автоматизации распределяются более справедливо. Без изменения логики собственности ИИ неизбежно будет работать на усиление концентрации капитала.

Переосмысление труда в цифровую эпоху требует выхода за пределы узкоэкономической категории эффективности. В индустриальной модели труд оценивался прежде всего через производительность и прибыльность. Однако в условиях автоматизации возникает возможность пересмотра этой парадигмы. Если технологии способны значительно повысить производительность, то возникает вопрос: ради чего осуществляется это повышение? Увеличение прибыли не может быть единственной целью. В центре внимания должны находиться качество жизни, возможность творческой самореализации, сокращение вынужденного труда и расширение пространства свободы.

Труд перестаёт быть исключительно средством выживания и может рассматриваться как пространство развития личности. Это предполагает изменение самой структуры занятости, сокращение рабочего времени, перераспределение доходов и признание нематериальных форм деятельности — ухода, образования, культурного творчества — как социально значимых. Искусственный интеллект способен освободить человека от ряда рутинных операций, но вопрос в том, будет ли высвобожденное время использовано для расширения свободы или станет источником социальной нестабильности.

Демократическое переосмысление предполагает также институциональные изменения в сфере образования. Подготовка че-

ловека к взаимодействию с ИИ не должна сводиться к обучению управлению инструментом. Речь идёт о формировании критического мышления, способности понимать структуру алгоритмических систем и оценивать их социальные последствия. Образование становится ключевым механизмом сохранения субъектности в цифровой среде.

Кроме того, необходимо переосмысление роли государства и общественных институтов. Регулирование алгоритмических систем не может быть оставлено исключительно рынку. Требуются механизмы защиты персональных данных, ограничения монополизации цифровых платформ, гарантии прозрачности автоматизированных решений. Государство в этом контексте выступает не как контролёр свободы, а как гарант её институциональных условий.

Особое значение имеет культурное измерение проблемы. Демократическое использование ИИ невозможно без формирования новой этики технологического развития. Эта этика должна исходить из приоритета человеческого достоинства, автономии и социальной солидарности. Технология не должна становиться мерой человека; напротив, человек должен оставаться мерой технологии. Только при таком подходе алгоритмическая рациональность может быть интегрирована в общество без разрушения его гуманистических оснований.

В конечном счёте, вопрос о будущем труда и искусственного интеллекта — это вопрос о направлении исторического развития. ИИ способен стать инструментом расширения универсальности человека, если будет использован для сокращения принудительного труда, перераспределения ресурсов и укрепления коллективной субъектности. Но он же может закрепить новую форму отчуждения, если останется встроенным в логику максимизации прибыли и алгоритмического контроля.

Демократическое переосмысление труда и технологий требует осознания того, что производительные силы достигли уровня, позволяющего существенно изменить структуру общественной жизни. Проблема заключается не в нехватке ресурсов, а в способе их распределения. Искусственный интеллект, как концентрированное выражение

современного технологического потенциала, ставит общество перед выбором: либо углубление отчуждения, либо трансформация социальных отношений в направлении большей свободы и справедливости.

Таким образом, будущее ИИ определяется не его техническими характеристиками, а характером коллективного решения. Демократизация технологий — это не утопическая идея, а необходимое условие сохранения человеческой субъектности в цифровую эпоху. Только в рамках такого переосмысления искусственный интеллект может стать не инструментом подчинения, а средством расширения человеческой универсальности.

Заключение

Проведённый неомарксистский анализ искусственного интеллекта позволяет выявить его принципиально двойственную природу. ИИ не является ни однозначным инструментом прогресса, ни предопределённым механизмом дегуманизации. Он выступает исторически конкретной формой развития производительных сил, в которой концентрируются противоречия современной эпохи. С одной стороны, алгоритмические системы обладают потенциалом расширения человеческой универсальности: они способны освобождать от рутинных операций, усиливать когнитивные возможности, создавать новые формы кооперации и интеллектуального синтеза. С другой стороны, в рамках цифрового капитализма ИИ становится инструментом алгоритмического контроля, углубления отчуждения и концентрации власти.

Особенность нынешнего этапа заключается в том, что отчуждение затрагивает не только материальную сферу труда, но и сферу принятия решений, когнитивной ориентации и повседневной коммуникации. Алгоритмическая инфраструктура способна формировать параметры рациональности, структурировать поле возможного и задавать стандарты эффективности. В результате возникает риск смещения субъекта из позиции активного преобразователя мира в позицию оператора и объекта цифрового анализа. Таким образом, искусственный интеллект вмешивается не только в экономику труда, но и в онтологию человеческого присутствия.

Марксовская концепция родовой сущности и отчуждения сохраняет методологическую актуальность именно потому, что позволяет увидеть за технологической оболочкой социальную структуру отношений. Труд остаётся фундаментом человеческой универсальности, а его трансформация через алгоритмические системы неизбежно затрагивает структуру субъективности. Если труд перестаёт быть пространством самореализации и превращается в функцию управления цифровыми процессами, то возникает новая форма отчуждения — более тонкая, но не менее глубокая.

Будущее труда и человеческой свободы определяется не техническими характеристиками алгоритмов, а социально-политическими условиями их внедрения. Искусственный интеллект не диктует свою логику обществу; он реализует ту логику, которая заложена в институтах собственности, распределения и власти. Без демократического

переосмысления этих структур ИИ рискует стать усилителем уже существующих форм неравенства и подчинения. Напротив, при условии общественного контроля и справедливого распределения выгод автоматизация может способствовать сокращению принудительного труда и расширению пространства свободной деятельности.

Искусственный интеллект тем самым становится испытанием для современной цивилизации. Он ставит вопрос о направлении исторического развития: сохранится ли человек как субъект проектирования и смысла или будет редуцирован до элемента алгоритмической системы. Перед обществом стоит выбор — использовать технологический потенциал для расширения универсальности и солидарности либо закрепить новую форму цифрового отчуждения. Именно в этом выборе раскрывается подлинная философская значимость проблемы ИИ как вопроса о судьбе труда, свободы и человеческой сущности в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Andrejevic, M. Exploiting YouTube: Contradictions of User-Generated Labor // The YouTube Reader / ed. by P. Snickars, P. Vonderau. — Stockholm: National Library of Sweden, 2009. — P. 406–423.
2. Бекбоев, А. А. Адам и Искусственный интеллект (в двух разделах) / Аскар Абдыкадыр. — Алматы: Дарын, 2024. — 350 с. — ISBN 978-9967-9361-6-4.
3. Брейн, М. Машины разума: философия ИИ и сознания / пер. с англ. — М.: Канон+, 2020. — 416 с.
4. Зубофф, Ш. Эпоха капитализма наблюдения: битва за будущее человеческой природы в новой границе власти / пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2021. — 780 с.
5. Лафонтен, П. Алгоритмы угнетения: большие данные, неравенство и угроза демократии / пер. с англ. — М.: Библиотека фонда им. Генриха Бёлля, 2021. — 272 с.
6. Маркс, К. Капитал. Т. 1. — М.: Политиздат, 1969. — 895 с.
7. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. — М.: Политиздат, 1974. — С. 77–179.
8. Негри, А., Хардт, М. Империя / пер. с англ. — М.: Логос, 2004. — 478 с.
9. Постер, М. Второй мир: информация, постструктурализм и постмодерн / пер. с англ. — М.: Логос, 2001. — 256 с.
10. Стафорд, Б. Искусственный интеллект: иллюзия или реальность? — СПб.: Питер, 2020. — 304 с.
11. Флориди, Л. Этический ИИ: как избежать цифрового зла / пер. с англ. — М.: Дело, 2022. — 336 с.
12. Харви, Д. Краткая история неолиберализма / пер. с англ. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 240 с.